

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

«Год за годом, опалённые войной...»

Первая книга поэта, «Сердцебиение», куда вошли в основном фронтовые стихи, вышла в 1947 году, когда за плечами был не только солидный боевой путь, но и учёба в Литературном институте, где важнейшими стали семинары Ильи Сельвинского, Владимира Луговского, Николая Асеева

Участник двух войн: советско-финской и Великой Отечественной, на которую он ушёл со студенческой скамьи, – Луконин не отступил ни на шаг от своих принципов и в третьей войне, не всегда видной и слышной, – когда надо было пробиваться к своему читателю. Если Константин Симонов, Александр Твардовский, Михаил Исаковский судьба быстро подняла на самый верх признания, то Михаил Луконин, Семён Гудзенко, Александр Межиров, Михаил Дудин и другие какое-то время оставались в тени. Прорвал эту незримую стену на первом Всесоюзном совещании молодых писателей Сергей Наровчатов, с которым Луконина связывала крепкая фронтовая дружба. Он громко и решительно заявил о поэзии своих товарищей, и не напрасно: пошли новые книги, поездки по стране.

...Да. Это было всё со мной, я помню, конечно.
Тяжёлой пулей разрывной меня подмыло.
...Нельзя с бесшумного поста мне отлучиться,
поручена мне высота всей жизни мира.

Это строки из стихотворения «Обелиск», написанные значительно позднее, когда и жизнь, и сама страна начали постепенно меняться, когда надо было искать другие точки опоры.

Насколько сильна была память о войне, как выстраивала она умы и души спустя десятилетия, как не давала потерять веру в себя всему обществу, какие новые силы рождала уже в новых поколениях – об этом говорят не только весомые победы в восстановлении страны, но и строки поэтов, такие же необходимые для молодёжи, как примеры отцовских подвигов.

...Шаг за шагом вспоминаем,
день за днём,
взрыв за взрывом,
смерть за смертью,
год за годом, опалённые огнём,
год за годом, истекающие кровью.

Каждая строка в стихотворении «Напоминание» десять лет спустя после войны – как скрижаль на страницах истории, как заклинание: не допустить новой войны!

...Вспоминаем всех героев имена,
все победы называем поимённо.
Помнит вечная кремлёвская стена,
как валялись к ней фашистские знамёна.

Ведливый критик скажет: и прозаизмы, мол, есть, и новизны образов не хватает... Но когда не только строка, но и каждое слово обеспечено золотой валютой судьбы, остаётся лишь преклонить голову перед памятью о поэтах войны, искавших свою дорогу к сердцу читателя, своё место в изменяющейся на глазах жизни. И читатель верил этому слову, уважал его и любил.

Сегодня некоторые «благожелатели» в пику благодарным словам в адрес писателей-фронтовиков охотно упоминают, в том числе и в статьях про Михаила Луконина, о пресловутом письме в «Правду» в конце августа 1973 года, где группа уважаемых и любимых народом авторов высказала своё отрицательное отношение к сомнительному, на их взгляд, поведению Солженицына и Сахарова. Что сказать? Наверно, то, что фронтовики, зная о проблемах страны не меньше своих зоилов и подвергшиеся репрессиям органы, державшие на крючке полстраны, таким способом защищали Родину, за которую воевали, и те моральные ценности, которых нынче не слышишь днём с огнём, несмотря на

...В этом зареве ветровом
выбор был небольшой.
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
чем с пустой душой.

Вот так большой поэт может в нескольких словах выразить всё: и смысл жизни, и творческое кредо, и тот принцип поведения, что стал главным в судьбе. Последние две строки этого отрывка из стихотворения Михаила Луконина «Приду к тебе» вообще стали крылатыми, я бы сказала, золотыми строками нашей поэзии

половодье демократии и открытые настежь ворота не только в Европу.

Конечно, ни Солженицын, ни Сахаров не могли предвидеть, какой гримасой обернётся лик так называемой свободы, когда по границам раскатывают отнюдь не люди, что воевали с фашизмом и поднимали из руин страну, когда «прелести» рынка оставили за бортом достойной материальной жизни большую часть населения страны, в том числе не «серийных» писателей. Отмена цензуры обернулась отсутствием контроля за качеством текста, в результате истинная литература оказалась под грудой махровой графомании, читательский вкус опустился до минимального... Не могли, конечно, всего этого предвидеть и поэты-фронтовики, но они были со своим народом, а не с «адвокатами» и прессой Запада, которая уже тогда начала тихую, лукавую и опасную игру по развалу СССР, в чём позднее откровенно призналась. Поэтому оставим истории этот спор и отдадим должное мужеству и тех, и других, по-своему болевших за Россию.

...Безумная затея нами движет:
чтоб каждую строку прожить собой
и самому ещё
при этом
выжить.

Несмотря на превратности судьбы (многие были ранены, не у всех удачно сложилась личная или творческая жизнь), эти писатели были счастливы в

главном: никакая сила не могла оторвать их от своих, родных читателей, будь то студенты, рабочие, колхозники... Кстати, в жизненном арсенале Луконина и работа на знаменитом тогда Сталинградском тракторном заводе.

Положа руку на сердце: многие ли поэты нынче знают такое счастье? Талантов много, а близких душе простого человека, то бишь собственного народа, единицы. Погоня за славой, постоянное оглядывание на Запад, культ престижных званий, языковая вседозволенность – вся эта суеда в доспехах рынка лишает человека внутреннего стержня, душевной глубины, творческого света. Но всё это было у людей, прошедших огонь войны.

Вот почему не удивительно, что народ помнит и любит писателей, делившихся с ним горем и счастьем, говоривших на языке народа от их имени и сердца, показавших пример истинного мужества, клавших за счастье народа свои жизни.

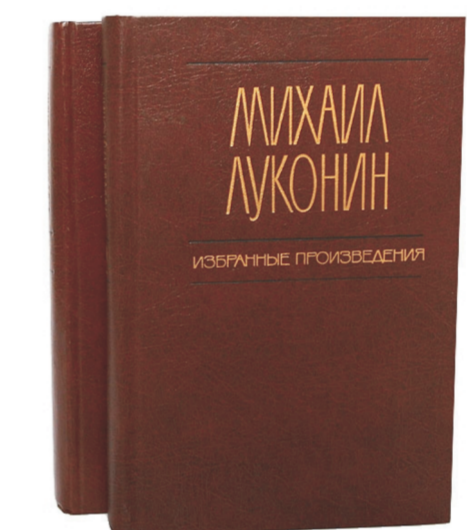
Остаётся добавить, что в боевой биографии Михаила Кузьмича отметились не только легендарная Сталинградская битва, но и знаменитое Прохоровское поле.

Главной удачей Луконина многие критики считают поэму «Признание в любви» (1959), в которой судьбы отцов и детей, вековая связь человека и природы, породившей и вскормившей его. Одна из центральных тем поэмы – человеческое достоинство и гордость, порой мешающая любить и прощать.

Иногда, – к сожалению, не так часто, как хотелось бы, – Михаил Кузьмич давал волю лирическим чувствам, облёчённым в строки.

...Волга, приду
и щекой небритой
прижмусь к твоему рукаву.
Волга, слышишь,
в глаза взгляни ты,
Скажи мне: так ли живу?
(«Лето моё началось с полета...»)

Перу писателя принадлежит и книга статей «Товарищ поэзия», в которой читатель найдёт литературные порт-

реты Бориса Корнилова и Владимира Маяковского, Мусы Джалиля и Семёна Гудзенко, Владимира Луговского и Сергея Чекмарева, близких ему если не по творчеству, то по судьбе.

Имя Луконина носит волгоградский дом литераторов. Установлена мемориальная доска на доме, где он жил. Музей-квартира лауреата Государственной премии СССР Михаила Кузьмича Луконина всегда могут посетить любители его поэзии. На родине, в Астрахани, учреждена литературная премия его имени и есть улица, носящая фамилию знаменитого земляка. И, конечно же, проводятся Луконинские чтения.

Словом, жива память о Поэте и Гражданине. А это залог того, что его «строки, опалённые войной», никогда не погаснут в сердцах читателей.

Михаил Луконин

Власть её не изучена

Власть её не изучена, значительно преуменьшена, пока что во всяком случае – всенасильно над нами женщина.
Водительство пресловутое, нам данное от рождения, наше главенство дутое – чистое заблуждение. укоренилось ложное представление привычное. Женщина – део сложное, явление необычное. Эта простая истина не каждому открывается. Застенчиво и таинственно женщина улыбается. Приходим, бедой отмечены, подвигами небывальными, мы всё равно для женщины детьми остаёмся мальчуганы. На взлёты и на крушения, на все наши игры шумные смотрят, дая прощенье, Женщины – люди умные. Спорится или соррится, любитесь или трудитесь, забудется или вспомнится – женщину надо слушаться. Она одарит надеждами, осмеивает сомнения. Врачуя руками нежными тягостные ранения.

1933

Геннадий САЗОНОВ

СТЕЗЁЮ КРИТИКА

Литература без критики как река без берегов. Куда потечёт? Влево, вправо или вспять? Не дать ей иссохнуть, направить в полезное для писателей и всего народа русло – забота критики. О её необходимости для творческой среды не раз говорили выдающиеся русские литераторы, отмечая, что талант критика – дар редкий, хороших критиков крайне мало в любые времена.

Наверное, ощущая недостаток оценок со стороны, сами писатели часто выступали в роли критиков. Вспомним блестящие литературные отзывы Михаила Васильевича Ломоносова. Или Александра Сергеевича Пушкина с его острыми, порой едкими замечаниями не только о книгах, выходивших в России («Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева), но и о зарубежных новинках (по поводу американского прозаика Джона Теннера).

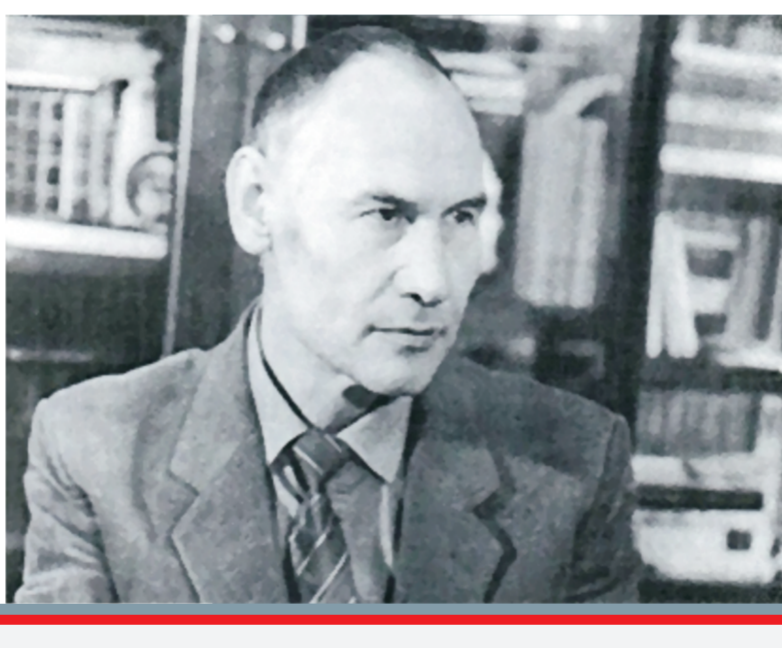
В дореволюционной России литературоведческие исследования занимали значительное место в творчестве таких разных авторов, как Владимир Короленко, Иван Бунин, Александр Блок. Советская эпоха не исключение. К примеру, книга Фёдора Абрамова «Слово в ядерный век», наиболее полно отражающая его читательские привязанности, и теперь актуальна так же, как и в день выхода.

Но, как бы мы ни рассуждали о писателях-рецензентах, мнение профессионального критика, его взвешанная оценка стоят дорогого. Вологодский писательской организации повезло. Как раз в пору её взросления, когда взрывалась, образно говоря, почва, в её ряды пришёл Василий Александрович Оботуров.

Он заявил о себе в 1973 году, когда в Архангельске выпустил первую книгу «На земле живу» о твор-

Писательский хлеб никогда не был лёгким. Ну, а для того, кто избрал своим делом оценку творчества коллег, он вдвойне труден.

Этому пути ни разу не изменил признанный литературовед Василий Александрович Оботуров. В июне 2013 года ему исполнилось бы 75. Уже семь лет его нет с нами, но остались яркие, самобытные его книги об известных русских поэтах и прозаиках. Они помогают осмысливать литературный процесс, предостерегают от ошибок, учат любви к родному слову

честве поэта-земляка Сергея Васильевича Вилкулова. Уже тогда он проявил себя вдумчивым аналитиком, сумевшим увидеть в малом большое, составить объективную оценку о творчестве автора. Понятное дело, Василий Оботуров возник как критик не на пустом месте. Он закончил в Вологде институт по специальности история, русский язык и литература, отработал десятки лет в редакциях разных газет, где печатал заметки о местной литературной жизни. И главное: Бог дал ему дар критика, дар, который он берёт и развивал. Василий Александрович много работал с молодыми авторами: участвовал в семинарах, прочитывал вороха рукописей.

Все наиболее заметные явления в литературной жизни Вологодчины были предметом его внимания. Отдельные книги В. Оботуров посвятил поэзии Александра Яшина и Сергея Орлова. Особое место заняло исследование жизни и творчества Николая Рубцова «Искреннее слово», вышедшее в издательстве «Советский писатель» (1987). После того, что писали о Николае Рубцове литературовед Вадим Кожин-

нов, критик Михаил Лобанов и другие признанные авторы, решиться на собственное исследование о Рубцове было непросто. Но Василий Александрович решился. И не только потому, что лично был знаком с Николаем Михайловичем, знал его жизнь, его друзей. Поэзия Рубцова требовала, чтобы её по достоинству оценили на той земле, где она и возникла.

«Мир поэзии Николая Рубцова просторен и светел, холодноват и чуть прозрачен – такими обыкновенно бывают дни бабьего лета. Воздух прозрачен, и чистота его открывает безграничность далей. В атмосфере рубцовой лирики свободно и волноно дрыщится, – отмечал критик. – Она грустна по преимуществу, но грусть легка и возвышенна. Здесь господствует не тоска с её томительной удушливостью, а чувство, что приходит в минуты раздумий о большом, о главном, когда всё мелкое, суетное отступает, исчезает и остаются один на один человек и мир».

Василию Оботурову удалось по-своему, на повторяя других, сказать о Рубцове как о явлении в русской поэ-

зии, в том числе и о самых ранних стихотворных опытах. Работа критика до сего дня сохраняет актуальность для тех, кто интересуется поэзией Рубцова.

Несомненной заслугой Василия Александровича было возвращение в литературный обиход творчества замечательного писателя Владимира Железняк-Белецкого, который не по своей воле оказался в начале прошлого века в Вологде. Тонкий знаток русского языка, прекрасный прозаик, Владимир Степанович оставил после себя рассказы, повести, исторические новеллы, которые в своё время высоко оценивали известные писатели. Василий Оботуров выступил составителем и издателем произведений Железняк; книга «Сильнее судьбы» получилась действительно уникальной.

Первым среди русских литературных критиков Василий Оботуров взялся за осмысление главного произведения Василия Белова – романа «Час шестый». Выступая в зале областной библиотеки, где проходила презентация романа, он, в частности, говорил:

– Отшумели над крестьянскими избами ледяные ветры «великого пере-

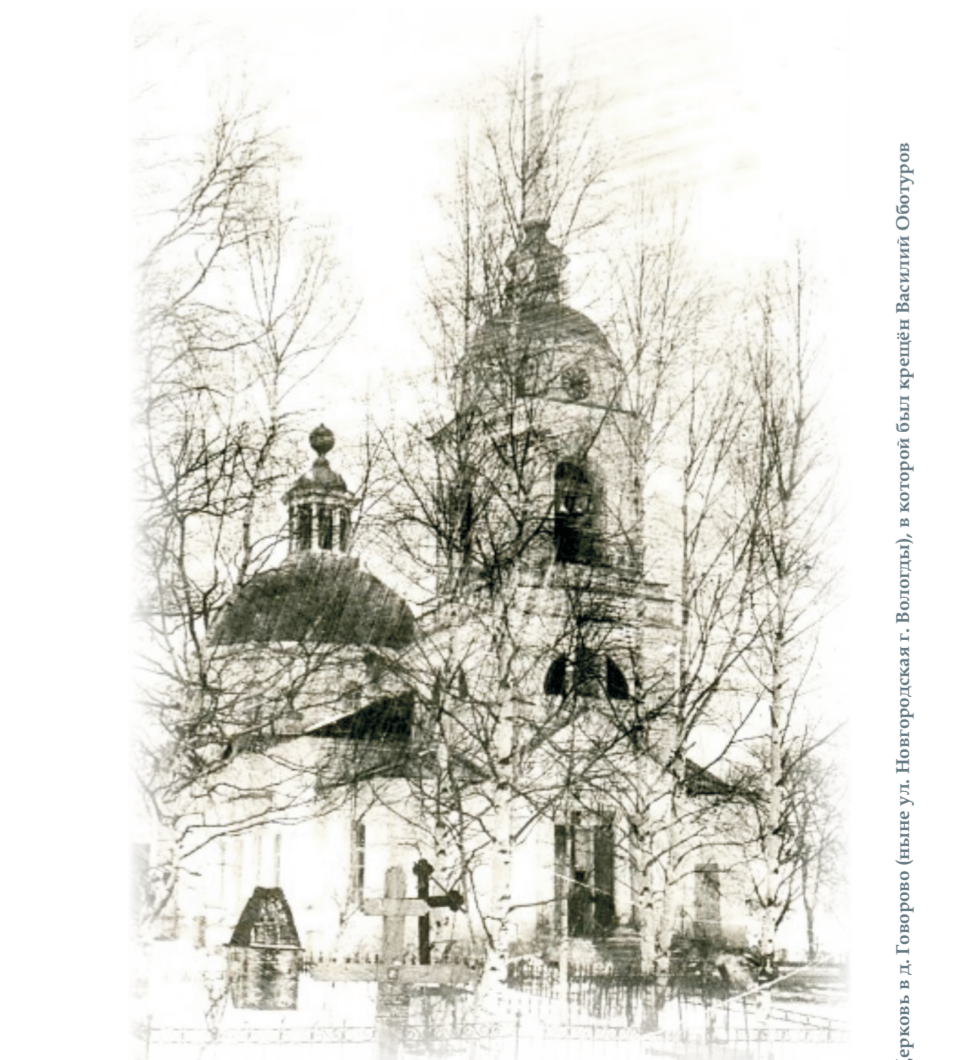
лома». Каждый из героев обрёл свою судьбу, и горьки эти судьбы. Но жизнь есть жизнь, и входит она в своё новое русло при утихающем будто бы разливе своеволия властей, оставившем надолго сор и хлам, смятение и тоску. Да, горечь утрат на пути любого человека неизбежна, но едва ли не более тяжка утрата надежд. С крохотного и чрезвычайно ёмкого эпизода «Не гарьвали» (1968), который можно по праву назвать прологом к мощной эпопее «Час шестый», Василий Белов основательно иссле-

довал сложнейшие проблемы русской национальной жизни и понял их глубже, чем профессионалы-историки, постигая истину в жизненных процессах. А истина сладенькой не бывает, зато помогает прозреть будущее...

К сожалению, завершить свою новую работу он не успел.

Лично для меня Василий Оботуров был и остаётся эталоном высказанности в литературе, нетерпимости ко всякой лжи и фальши.

Словом, настоящий критик!

Церковь в д. Горное (ныне ул. Новоросская в Вологде), в которой был крещён Василий Оботуров